

Анна Старобинец Яшина вечность

Яша Хейн проснулся затемно – гораздо раньше, чем прозвонил будильник, – от странной тишины, заполнявшей его изнутри.

Еще накануне вечером он почувствовал себя неважно: какое-то предгриппозное состояние. Ныли все суставы и мышцы, болела голова, то и дело накатывала ужасная слабость. На градуснике 37,2 – температура, конечно, не то чтобы высокая, но субфебрильная – а это еще хуже. На ночь Яша выпил две шипучих “упсы”, на всякий случай закапал в нос нафтизин, хотя насморка пока не было, и попросил жену нарисовать ему на груди и спине сеточки из йода – чтобы не начался кашель. Потому что отлежаться на следующий день он никак не мог, и на работу надо было попасть обязательно, хоть ты тресни.

И вот теперь Яша сидел в постели, завернувшись в одеяло, и чувствовал себя отвратительно. Его грудь и живот – да что там грудь и живот, все тело – словно были наполнены застывшей сладкой ватой. Или холодным яблочным желе. Но главное – эта тишина... Эта странная тишина. Что-то в нем явно разладилось, и разладилось всерьез. Теперь нужно было найти ту сломавшуюся шестеренку, которая мешала всему сложному, порой барахлившему, но все же относительно слаженному механизму Яшиного тридцатипятилетнего тела нормально работать, – найти и устранить неполадку. Медикаментозными средствами. Может быть, даже антибиотиками – на работу надо было явиться во что бы то ни стало.

Яша растянулся на постели и пролежал неподвижно минут пять, внимательно вслушиваясь в себя, как бы ощупывая себя изнутри, бережно изучая каждый орган – здоров ли?

Горло не болело. Кашля и насморка не было, и никакой рези в глазах. Даже вчерашняя головная боль совсем прошла – словом, совсем не похоже на простуду, да и на грипп, в общем-то, тоже. Скорее, что-то с давлением – какие-нибудь перепады... Яша был метеозависимым больным. Или сердце – у него ведь с детства тахикардия.

Яша потянулся к своим наручным часам. Дождался, когда секундная стрелка окажется на 12, и взял себя правой рукой за левое запястье, чтобы измерить пульс. Потом приложил руку к артерии на шее. Потом к груди.

Потом дотронулся до костлявого плеча посапывавшей рядом жены и тихо сказал:

– Ира, я, кажется, заболел.

– У-хм, – страдальчески промычала она в ответ и перевернулась на другой бок.

– Я заболел, – сказал он громче.

– Ты всегда болеешь. Не одно так другое. Дай поспать, – но глаза открыла. – Что на этот раз?

– У меня что-то... – Яша запнулся и облизал кончиком языка холодные губы. – У меня, кажется, сердце не бьется.

– Го-осподи, ну что это за бред, – с натугой выдавила из себя Ира сквозь густой зевок и снова закрыла глаза.

Яша встал и пошел на кухню. Снова прижал руку к груди. Тишина, абсолютная тишина внутри. Включил электрический чайник – тот злобно зашипел, требуя воды. Яша набрал полный, снова включил. И вот тогда-то его охватила настоящая паника. “Если у меня

действительно остановилось сердце, – подумал Яша, – значит, я сейчас умру. Через секунду. Ну – через две секунды. Я не успею выпить чай. Я, наверное, даже не успею взять с полки чашку”.

Яша просеменил к кухонному шкафу и схватил чашку. Что ж, успел. Но о чем это говорит? Решительно ни о чем. Все равно это вот-вот случится, в любой момент. Если сердце не бьется, значит, кровь не продвигается по венам, значит... что? Что-то с кислородом. Наверное, образуется недостаток кислорода, и от этого человек не может дышать и вскоре умирает. Да, человек перестает дышать... Яша задержал дыхание. И вдруг понял, что дышать ему, в общем-то, совершенно необязательно. То есть он способен дышать, но исключительно по привычке, а если захочет, спокойно обойдется и без этого – сколь угодно долго.

– “Скорую”! Вызывай “скорую”! – Он прибежал обратно в комнату, где спала жена.

– Чего ты орешь? – Она наконец проснулась окончательно и выглядела несвежей и злой.

– Мне “скорую” нужно! Я не дышу!

– В сумасшедший дом тебе нужно, Яша. Ну что ты городишь? Не морочь мне голову.

Яша прислонился к комоду и закрыл лицо руками. Она вылезла из-под одеяла, воткнула колючие ноги в тапочки с плюшевыми помпонами и посмотрела на него почти с сочувствием:

– Если очень надо, сам вызывай. Позвони им и так и скажи: “Здравствуйте, я хочу вызвать “скорую”, потому что перестал дышать, а еще у меня сердце не бьется”. Может, кто и приедет. Может, даже больничный дадут – по нетрудоспособности. Когда головка-то больная, это ведь тоже серьезно. Как такой человек может работать? Такой человек...

На этом месте Яша привычно отключился, перестал слушать. Громкий равномерный зуд, перемещавшийся вместе с супругой (туда-сюда по комнате, дальше – в ванную, на кухню, снова в комнату), звучал почти успокаивающе – ничего не значащие слова-шелуха, лишенные смысла, лишенные сердцевинки.

Без малого пятнадцать лет назад Яша женился на этой женщине не то чтобы прямо по любви – но что-то вроде того. А может, не по любви, а просто по молодости. Или по глупости. Или потому, что все к тому шло, и она была на десять лет старше него, а ее мама – на тридцать лет старше него, и обе они хорошо знали, как управиться с двадцатилетним длинноносый мальчиком. Словом, мотивы, которыми Яша тогда руководствовался, теперь были ему не очень ясны. Однако если бы он захотел в этом вопросе разобраться, то, конечно, без труда разобрался бы – и если он до сих пор этого не сделал, то единственно потому, что совершенно не испытывал такой потребности. И что бы ни было там, вначале, теперь их многое связывало – годы, которые они вместе прожили, вещи, которые вместе купили, скандалы, во время которых они высасывали друг друга – и днем и ночью, словно свихнувшиеся вампиры, – взаимное занудство, взаимное раздражение и еще очень много чего.

Уже через год после свадьбы, стремительно и неумолимо – как Золушка лишается дорогих аксессуаров в полночь, как оборотень обрастает шерстью в полнолуние, – она превратилась в собственную мать. А ее мать была особой нервной, обидчивой и невероятно разговорчивой.

Спасть бегством? Да, в свое время Яша лелеял мечту об освобождении. Однако ни одной реальной попытки побега так и не предпринял. Вместо этого он разработал немудреное средство психологической защиты, своего рода ноу-хау: когда она говорила дольше нескольких секунд, он нажимал у себя в голове на невидимую кнопку, отвечающую за восприятие человеческой речи. Звук ее голоса оставался – но в таком виде значил не больше, чем, скажем, шум морского прибоя или визг автомобильных шин при резком торможении.

По зрелом размышлении Яша решил “скорую” все же не вызывать: пока приедут, пока то-се... так можно и на работу опоздать. Кроме того, кто сказал, что в “скорой” работают компетентные врачи? Угрюмые мужики, усталые и невыспавшиеся после ночной смены?

Самое лучшее сейчас, подумал Яша, это немного успокоиться, выпить чаю и поехать на работу. А уж вечером отправиться в платный центр к хорошему специалисту.

Возмущенное жужжание, заполнившее всю комнату и настойчиво пытавшееся просочиться внутрь него, смело наконец на своем пути все преграды и вторглось-таки в зону Яшиного восприятия: "...что, не слышишь... как будто... яичница... не слышишь... как истукан... яичница... раз уж я встала... остынет... раз уж мне пришлось... иди..."

Журнал под названием "Увлекательный журнал" то открывался, то закрывался, то открывался, то закрывался, как неисправный лифт, застрявший между этажами. И продолжалось это уже года три.

Тем не менее в "УЖе" работали люди. Шаткость положения нервировала сотрудников лишь поначалу – постепенно они привыкли и успокоились. "Вы не знаете, он уже нашел?" – тихо спрашивали друг друга коллеги. "Да вроде бы нашел".

Их финансовый директор был кем-то вроде волшебника. По крайней мере одним волшебным свойством он точно обладал: всегда *находил* финансирование.

Яша пришел на летучку без опоздания. Для этого он бежал всю дорогу от метро, а потом еще бежал по длинному скучному коридору редакции. Вообще-то решиться на этот героический забег его заставила не столько пунктуальность, сколько тайная надежда на то, что подобная разминка, возможно, окажет стимулирующее воздействие на его сердце, но... В груди стояла все та же ватная тишина.

Главный редактор, Владимир Владимирович Сидеев, провел летучку очень лихо, за пять минут. Пару недель назад "УЖ" как раз в очередной раз воскрес, отчего Сидеев (или, для своих, – просто Сидень) явно пребывал в хорошем расположении духа: по-дружески смотрел на подчиненных сияющими глазами-пуговками и таким молодецким движением закидывал обратно на макушку непокорные вихры, свисавшие слева длинными черными прядями и не желавшие прикрывать влажную редакторскую лысину.

После летучки многие, как обычно, направились в буфет перекусить. Яша тоже было потянулся за ними, но на полпути передумал. Воспоминание о недавнем завтраке было еще слишком свежо. ...чай льется в горло сплошным теплым потоком, увлекая за собой скользкие ошметки глазуньи... его вовсе не нужно глотать... жидкость свободно стекает по пищеводу... с легким булькающим звуком – как весенний ручеек сквозь решетку канализационного люка...

Яша немного постоял, потом медленно двинулся по опустевшему желтостенному коридору. Неуклюже забрался в фанерную коробочку своего рабочего места. Включил компьютер. В системном блоке что-то болезненно ойкнуло, потом разочарованно присвистнуло, и комната наполнилась громким тяжелым жужжанием. Яша открыл Word. Тоскливо уставился в мерцающий экран, с отвращением положил руки на серую замусоленную клавиатуру. Привычно нащупал указательными пальцами маленькие заусенцы на клавишах "а" и "о" – хваленый "слепой" метод. Сегодня он должен был написать большую-разоблачительную-заказную (заказал, между прочим, новый инвестор "УЖа") статью. Она пойдет в рубрику "Тема недели". А ему потом дадут премию.

"Главное – не думать про дыхание, – сказал себе Яша, – не думать про сердце. Думать про налоги. И про коррупцию. Я пишу про налоги, десятипальцевым методом, быстро-быстро пишу, пишу – и не дышу... но это пустяки, я просто перенервничал. Я очень быстро пишу – и не... быстро пишу и сразу иду к врачу..."

Белый экран раздраженно чирикнул и погрузился во тьму. На черном фоне нарисовались веселые зеленые водоросли. Из далекого потустороннего океана приплыли маленькие желтые рыбки и бессмысленно уставились на Яшу сквозь монитор.

Рабочий день уже почти закончился, но доктор Цукербаум был в плохом настроении. Предстоящее освобождение из тесного белого кабинета, где он вел прием, не сулило ничего приятного: замороженные овощи или пельмени на ужин, пустой вечер, пустой дом, пустая постель. Доктор Цукербаум недавно потерял жену.

Доктор Цукербаум, возможно, был не самым хорошим кардиологом. Зато у него было большое сердце. В силу этого второго обстоятельства он часто женился на своих пациентках, усталых балзаковских дамах с сердечной недостаточностью. А в силу первого – часто их терял и каждый раз сильно переживал. Впрочем, стоит заметить, что это злосчастное первое обстоятельство мешало доктору только в личной жизни, а на его работе никак не сказывалось. К работе он относился серьезно. Всем пациентам Цукербаум искренне сочувствовал, и чисто человеческая теплота обхождения вполне компенсировала профессиональную некомпетентность в некоторых вопросах. Пациенты его любили, и в коммерческом медицинском центре “Сердцемед” он считался лучшим специалистом.

Яша Хейн тоже любил и уважал доктора Цукербаума и, хотя цукербаумовские консультации стоили недешево, время от времени обращался к нему по поводу тахикардии.

Теперь тахикардия показалась бы ему удовольствием – лучше сто пятьдесят ударов в минуту, чем ни одного.

В регистратуре Яшу заверили, что Цукербаум уже закончил прием.

– Девушка у меня очень-очень серьезный случай вопрос жизни и смерти, – испуганно затараторил Яша, – девушка вы не понимаете девушка мне правда очень надо...

Иссохшая пятидесятилетняя девушка подняла на Яшу мудрые глаза, недоверчиво осмотрела его и сказала:

– Подождите, я сейчас попробую – если он еще в кабинете... Алло! Лев Самуилович? Это вас из регистратуры беспокоят... Тут к вам пациент рвется... Вот и я ему сказала, что закончился... Говорит, очень срочно – хотя, честно сказать, мне кажется... Одну минутку... Как фамилия? Хейн его фамилия. Что? Хорошо, сейчас поднимется...

Яша выхватил у нее из рук талон на прием и метнулся к кабинету.

Доктор Цукербаум был отзывчивым человеком, к тому же сегодня ему совсем не хотелось домой – так что он решил немного задержаться. Тем более что Яшин случай настолько прост – банальная синусовая тахикардия... Выслушать жалобы, измерить пульс, прописать изоптин и прогулки на свежем воздухе – все это займет минут десять, не больше.

Но доктор Цукербаум ошибся.

Через час он в последний раз попытался снять Яше кардиограмму – на другом, более новом аппарате; без особой надежды на успех потерял его запястье и решительно отцепил липкие присосочки от Яшиных ног и груди. Потом печально воззрился на Яшу и сказал:

– Мне очень жаль, молодой человек...

– Что со мной?

– Яков Маркович! Мы с вами люди взрослые, так ведь?

– Что со мной?

– К сожалению, рано или поздно это ждет всех...

– Да что со мной, доктор? – снова спросил Яша и зачем-то хихикнул.

– Очень сожалею. Я сделал все, что мог.

– Что... Что?

– А что тут думать? Первым делом нужно пойти в ЗАГС, – заявила Клавдия Михайловна, погрузив Яшу в состояние мучительного дежавю.

В прошлый раз теща произнесла эти же слова пятнадцать лет назад. Юный никчемный Яша со следами недавних подростковых угрей на лбу не очень ей нравился. Более того, он не нравился ей совсем и даже был ей противен – как и все остальные Ирины ухажеры,

когда-либо имевшие несчастье зайти к ним на полчаса попить чаю и втиснутые в узкое пространство между столом, холодильником, подоконником и стеной.

Однако именно в тот раз, когда на чай был приглашен Яша, материнский инстинкт и здравый смысл неожиданно объединились в Клавдии Михайловне самым несчастливым для Яши образом – и одержали уверенную победу над ее личными симпатиями и антипатиями. Иными словами, Клавдия Михайловна окончательно пришла к выводу, что дочери давно уже пора обзавестись, во-первых, семьей, а во-вторых, квартирой.

Квартира у Яши была.

Зажатый в душном углу пяти-с-чем-то-метровой кухни своей возлюбленной, Яша чувствовал себя маленьким незадачливым насекомым, намертво застрявшим в центре небольшой, но прочной и очень профессионально сплетенной паутины. Стена кухни, рядом с которой усадили гостя, была снабжена гигантской батареей (своеобразный бонус для жителей хрущевских пятиэтажек), и жар, поднимавшийся от спины к голове, притуплял сознание и погружал Яшу в состояние, близкое к обмороку. Паучиха-мать смотрела ему в глаза пристально и зло. Паучиха-дочь своей изящной волосатой ножкой поглаживала под столом большой палец его правой ноги через дырку в тапке. Сопротивляться не было сил.

– ...Первым делом нужно пойти в ЗАГС, – сказала тогда Клавдия Михайловна.

– Хорошо, – подчинился Яша.

За последующие пятнадцать лет ее отношение к зятю не претерпело особых изменений – он по-прежнему ей не нравился. Материнская забота и здравый смысл также остались при ней, поэтому на семейном совете, экстренно созванном Ирой в связи с “Яшиными неприятностями”, Клавдия Михайловна заявила:

– ...Первым делом нужно пойти в ЗАГС. И оформить свидетельство о смерти – чтобы можно было вступить в права наследования квартиры.

– Что, вместе с ним идти? – заинтересовалась Ира.

– Можно и с ним... – с сомнением в голосе начала Клавдия Михайловна. Но поразмыслив немного, добавила: – Впрочем, лучше тебе одной сходить. Случай все-таки не очень... как бы... типичный. А им бы только прицепиться. Да и вообще, какой от него прок? Он ведь у тебя интеллигентный, даже очередь не может занять: стесняется спросить “кто последний?”, – теща быстро взглянула на Яшу, который сидел в кресле и притворялся, что смотрит игру “Слабое звено”, – то есть я хотела сказать, стеснялся...

Яша нервно кашлянул.

– Ну да ладно, о мертвых плохо не говорят, – она снова покосилась на зятя, – пусть земля ему будет... хотя... тоже не понятно... – Клавдия Михайловна смущенно умолкла. Но, как всегда, ненадолго: – Кстати, о земле. Ты уж прости меня, Яша, за бестактность, но надо бы нам и о похоронах подумать. А то все как-то не по-людски.

– Да как же его похоронишь? – с досадой воскликнула Ира. – Он же вроде... не то чтобы прямо покойник.

– Вы что, заживо меня зарыть хотите? – встрял Яша.

Реплику зятя Клавдия Михайловна проигнорировала. Презрительно скривила пухлый рот. Потом затараторила фальцетом, передразнивая дочь:

– Ой, действительно, как же его, он же не то чтобы, он же вроде бы... А кто же он, по-твоему? – спросила уже нормальным голосом.

– Не знаю.

– Что “не знаю”? – разозлилась Клавдия Михайловна.

– Это спорный вопрос.

– У-гу, спорный вопрос...

– Да что ты все за мной повторяешь, мама? – в свою очередь разозлилась Ира.

– Кто тянет ко дну всю команду? – поинтересовалась телеведущая.

– Да потому что у меня слов нет, потому и повторяю, – огрызнулась теща. – И куда же ты его денешь?

– Ну... пока пусть здесь поживет. А потом, может быть, все само собой... ну то есть

потом посмотрим.

– Вот спасибо, – снова вмешался Яша, – век не забуду.

– Кто боится элементарных вопросов? Кому придется уйти ни с чем?

– Что ты ерничаешь? – одернула его жена. – Ну что ты ерничаешь? Это, между прочим, не шуточки! Действительно серьезная проблема! Действительно не понятно, что с тобой делать! Ты вот сам что предлагаешь?

На кухне зазвонил телефон.

– Ну что стоишь, как истукан? Подойди, – скомандовала жена.

Яша вышел.

– По статистике, самое слабое звено в этом раунде – Михаил, – заполнил образовавшуюся тишину приятный мужской голос, – он ответил только на один вопрос. Самое сильное звено – Аркадий. Он дал наибольшее количество правильных ответов и положил деньги в банк. Однако посмотрим...

– Нечего ему здесь делать, – прошептала Клавдия Михайловна, кивнув в сторону кухни, – это совсем не по-людски – покойника в доме оставлять.

– Ольга, почему вы считаете, что уйти должен именно Михаил?

– Ну не знаю, мама...

– Ну, мне кажется, Михаил как бы слишком устал. Я как бы не чувствую в нем как бы потенциала. Некоторыми ответами на некоторые вопросы он как бы позорит честное имя и не чувствует дух команды...

Яша вернулся в комнату с серым от волнения лицом.

– Кто звонил? – поинтересовалась жена.

– Вы – самое слабое звено. Прощайте!

– Да выключи ты эту стерву! – возмутилась теща.

– С работы, – тихо ответил Яша.

– ...но все-таки Ольга меня очень обидела, потому что я не знаю, зачем же вот переходить на личности и так грубо говорить, что я опозорил имя и что...

Ира убавила звук.

– Теперь нам в любом случае нечего думать о похоронах по крайней мере месяц, – сказал Яша не без злорадства.

– Это почему это? – прищурилась теща.

– Потому что меня...

...уволители.

В тот злополучный день, когда Яша спешил к врачу, свою статью он сдал, не перечитывая. И поэтому не заметил одной досадной оплошности, допущенной второпях. Не заметил ее и редактор отдела, который, возможно, тоже куда-то опаздывал, или думал о чем-то своем, или, скорее всего, просто доверял Яше и его текст прочитал невнимательно. Не заметил и выпускающий редактор, потому что он всецело доверял редактору отдела. Справедливости ради стоит добавить, что Яшину оплошность заметил полосный корректор, однако резонно счел, что это его не касается, потому что его дело – орфография и знаки препинания. А все знаки препинания Яша расставил правильно. Одним словом, статья благополучно вышла в своем первоизданном виде. И фамилия инвестора (Спичкин была его фамилия – но так ли уж это важно?), который недавно взялся финансировать журнал и который, собственно, заказал эту самую статью, случайно перекочевала из списка олигархов, исправно платящих налоги, в список злостных налогонеплательщиков.

Опровержение, опубликованное днем позже, выглядело жалко и неубедительно.

Спичкин расстроился. Он назвал финансового директора идиотом, главного редактора – двуличной тварью, а Яшу – жидовской мордой и уехал на Тибет, чтобы отвлечься. Но на Тибете почему-то расстроился еще больше, затосковал, через день вернулся обратно и

прекратил финансирование. “Увлекательный журнал” закрылся.

Впрочем – не до конца. Финансовый директор снова бодро принялся *искать* . На экстренной редколлегии было решено покамест продолжать выпуск “УЖа” в сильно урезанной электронной версии.

А после редколлегии Сидень позвонил Яше Хейну домой и раздраженно поинтересовался, почему того нет на рабочем месте. Яша вкратце изложил ситуацию, извинился и пообещал принести в отдел кадров свое свидетельство о смерти в самое ближайшее время. Сидень заметно растерялся. Он помолчал, посопел в трубку, начал уже было прощаться, но передумал и решил все же сказать то, ради чего звонил. Как следует прокашлявшись, он сообщил Яше, что из-за “истории со Спичкиным” тот, во-первых, уволен по собственному желанию, а во-вторых, прежде чем уйти, должен отработать в редакции еще один месяц, в соответствии с контрактными обязательствами.

Яша молчал. Сидень подождал, посопел еще немного, тяжело вздохнул и наконец выдал из себя, полувопросительно:

– Но... в свете ваших обстоятельств... ваших печальных обстоятельств... вы, вероятно, не сможете...

– Нет-нет, все в порядке. Я отработаю. Конечно.

Яша был человек ответственный и выполнение контрактных обязательств считал своим святым долгом.

– Что ж, – заметно оживился Сидень, – если вы действительно?..

– Да, я действительно...

– Хорошо. Тогда до скорой встречи... э-э-э... и... примите мои соболезнования.

Взгляд – умный и строгий. И еще немного усталый – из-за темных кругов под глазами. Давно не стриженные вьющиеся волосы в некотором беспорядке, но прическа совсем не портит лицо, напротив – придает ему некоторый шарм, своего рода загадочность, что ли. А может быть, дело в том, что черно-белые фотографии всегда немного загадочны. Хорошая фотография. Большая, гляцевая. А вот веночек дешевенький. Какие-то мерзкие пластмассовые ромашки и колокольчики...

Яша стоял в вестибюле редакции и рассматривал собственную фотографию в траурной рамочке – с грустью и гордостью. Так старик-отец, наверное, любит картонку сына, недавно ушедшего на фронт.

В Яшиной душе еще со вчерашнего дня воцарилось удивительное спокойствие. Да, вечером, после того как теща уехала восвояси, после этого ужасного обсуждения предстоящих похорон, у него случился очередной приступ паники: а вдруг это все же не сон? Но приступ был короче, чем предыдущие, и на этот раз Яша даже не стал щипать себя за нос, кусать за пальцы и биться головой об стену, чтобы проснуться. Вместо этого накапал себе валерьянки, походил туда-сюда по квартире, посидел перед телевизором и уснул.

На работе Яшу приняли хорошо, и он был очень тронут. Во-первых, на сайте “Увлекательного журнала” разместили прекрасный некролог. Во-вторых, коллеги встретили его приветливо – несмотря на то, что по его милости снова оказались “в подвешенном состоянии”. Все посочувствовали – и по поводу увольнения, и по поводу неожиданной кончины. Мужчины опасливо и как-то особенно бережно пожали Яшину холодную руку, женщины предложили попробовать шоколадных конфет ручной работы. Потом все ушли в столовую (его почему-то не позвали), и Яша остался в комнате один. Выключил кондиционер. Ткнул мышкой в маленький черный прямоугольник с надписью: “Скончался специальный корреспондент журнала (читать дальше)”. Перечитал еще раз.

Потом открыл новостную ленту: ответственных заданий ему решили больше не давать, и в ближайший месяц в его обязанности входило регулярно размещать на сайте “УЖа” свежие новости.

– На Камчатке стартуют всероссийские соревнования по горнолыжному спорту “Вулканы Камчатки”...

– В Корякском автономном округе пропали пятнадцать оленеводов. Их ищут уже шестой день...

– В столице Индонезии открывается международный форум по вопросам инфраструктуры...

– Во Франции разбился автобус с бельгийцами...

– Федеральные льготники хотят получить льготы...

– В Великом Новгороде прошел легкоатлетический мемориал памяти маршала Мерецкова...

– В Новом Уренгое выборы главы города можно считать состоявшимися...

– В Саранске завершился чемпионат России по греко-римской борьбе...

– Мадонна и Роджер Уотерс спели для жертв цунами...

– В Гонконге прошли гонки машин на солнечных батареях...

– Трупы боевиков в разрушенном доме могли сгореть...

Вот уже две недели изо дня в день Яша покорно появлялся в редакции закрывшегося “Увлекательного журнала”, ковырялся в новостных лентах, размещал что-то на сайте – но совершенно механически, без всякого удовольствия, “без огонька”, как говаривал главный редактор.

Новости этого брэнного мира больше не занимали его.

За минувшие две недели невидимая тонкая трещина между ним и всеми остальными людьми угрожающе разрослась, превратилась в непреодолимую преграду. Яша стал рассеянным, приходя на работу, забывал спрашивать коллег, как дела, потом перестал подавать руку, а потом и вовсе здороваться. Коллеги, в свою очередь, посматривали на него как-то странно. Яша вспомнил, что точно так же год назад все смотрели на секретаршу Олю, которой пора было в декрет, а она все ходила и ходила с огромным животом, и выглядело это уже даже как-то неприлично... И каждый день, встретив ее, сотрудники удивлялись все больше, и все более настойчиво расспрашивали о здоровье, и смотрели почти осуждающе. Она раздражала. При ней нельзя было курить, ее нельзя было огорчать, но главное, ей было *пора*.

В Яшином присутствии тоже перестали курить – хотя он совсем об этом не просил. И говорили приглушенными голосами. И смотрели на него так, словно... словно ему тоже было *пора*. Пора.

И дома все изменилось. Не дожидаясь окончания бумажной волокиты с наследством, жена затеяла в квартире ремонт, чтобы все, по ее выражению, “освежить”. Теперь на полу были разложены испачканные известкой, клеем и еще бог знает чем газеты, воняло пылью и краской, а в центре гостиной красовалась обшарпанная стремянка. Там же, рядом со стремянкой, поставили раскладушку, на которой теперь спал Яша, с позором изгнанный из супружеской спальни. (“За некрофилию у нас, между прочим, в тюрьму можно сесть, – спокойно пояснила Ира, водружая на раскладушке старенький полосатый, местами распухший матрас, – кроме того, ты в последнее время слишком громко храпишь. Так я хоть высыпаться буду”.)

Сталкиваясь по утрам на кухне, Яша и его вдова ощущали некоторую неловкость – и Яша каждый раз казался себе кем-то вроде домового.

Потом приходили мрачные похмельные бугаи из ремонтной бригады. Они никакой неловкости не чувствовали, а просто не обращали на Яшу внимания. Проходя мимо, бесцеремонно задевали его локтями. В его присутствии (конечно, когда жены не было дома) не стесняясь пили водку и мрачно воровали колбасу из холодильника. И принципиально с ним не разговаривали. За исключением того единственного случая, когда красномордый

бригадир Леха, оскалившись обезоруживающе-доброй улыбкой – из которой за минувшую ночь пропало два передних зуба, – попросил у Яши двадцать рублей “взаимы”. Впрочем, бригадир Леха был в тот момент в состоянии настолько ужратом, что вполне мог бы обратиться с этой же просьбой к шкафу или, например, к люстре.

“Они, наверное, тоже считают, что мне *пора*” , – с тоской подумал Яша и двадцать рублей не дал.

По каналу “Культура” шла интересная передача производства ВВС – американские астронавты рассказывали, как они чувствуют себя в безвоздушном пространстве, – и Яша уселся смотреть, хотя, по-хорошему, пора было идти на работу.

– Первые два дня вас страшно тошнит, – радостно сообщала круглая румяная физиономия, как будто специально предназначенная для того, чтобы ее вставляли в скафандр, – потому что вся жидкость в организме, избавившись от действия закона тяготения, поднимается вверх; так что мы всегда имеем при себе пакеты... Но они порой не помогают, – физиономия гнусно ухмыльнулась, – и тогда все разлетается. И потом до конца полета летает по кораблю, и вам становится очень неловко, ну, вы понимаете...

– На корабле обязательно есть тренажерный зал, – заявил бритоголовый верзила с неестественно тонкими губами, – в космосе очень важно поддерживать физическую форму. Заниматься спортом в условиях невесомости гораздо проще, чем на земле. Есть только одна проблема – пот. Вода в космосе ведет себя совсем по-другому. Она не течет вниз, а превращается в такие шарики, знаете? И вот вы сидите, крутите педали велотренажера, а по спине у вас ползают эти шарики, а при каждом резком движении разлетаются в разные стороны...

– Унитаз. – Первая физиономия снова заняла собой весь экран. – Я бы сказал, что главная проблема любого космонавта – это именно унитаз. В условиях невесомости очень сложно...

Яша выключил телевизор, пошел в коридор, надел ботинки и заплакал.

Что-то неожиданно надорвалось в нем. Постоянную нервотрепку, напряжение, унижение, морок последних недель, этот ужасный безвыходный сон (или не сон? – да нет, конечно, сон), этот ремонт – до сих пор он как-то терпел, с трудом терпел, но космос... Прекрасный, сияющий, без конца и начала космос, который манил его с детства, был его самой прекрасной мечтой... Теперь он лишился его. Приятно покачиваться в невесомости с книжкой в руке, полетать немного туда-сюда по салону корабля и, наконец, прильнуть к иллюминатору и долго смотреть на далекую Землю, на огненные хвосты проносящихся мимо комет... Как же, как же! Сжимать в дрожащей руке вонючий бумажный пакетик, уворачиваться от пролетающих мимо шариков пота... тошнота, головная боль, унитаз с ремнями и вентилятором – вот что там, в бесконечности!

Не то чтобы Яша собирался лететь в космос – понятно, что он вовсе не собирался туда лететь. Но все же до сих пор космос казался ему чем-то вроде последней возможности, вроде аварийного выхода на самый крайний случай. Когда больше некуда деваться.

– Что за жизнь, – подумал Яша вслух и прямо в ботинках зашел в комнату. Прислонился головой к запотевшему окну. – Пора на работу... Что за жизнь... Что за глупый сон... Зато я теперь, наверное, могу, как этот, в фильме “День сурка”, – Яша открыл окно и взгромоздился на подоконник, – как его... фамилия на букву “М”... Яша закрыл глаза и прыгнул вниз с двенадцатого этажа.

Утренняя улица встретила его привычным оглушительным скрежетом. Вокруг дома вот уже который день происходили какие-то загадочные не то строительные, не то ремонтные работы, и все здание оказалось окружено глубоким искусственным рвом, через который тут и там были перекинuty гнилые деревянные мостики. Подмерзшая осенняя земля топорщилась чуть поодаль бесформенными бурыми кучами.

Яша поднялся на ноги и стряхнул с брюк налипшие желтые листья. Балансируя руками и глядя прямо перед собой, аккуратно перешел через мостик. И лишь оказавшись на другой стороне, брезгливо посмотрел вниз. На дне ямы копошились маленькие таджики в оранжевой униформе. Одни, в облаке пара и ослепительных искр, сверлили ржавые трубы, торчавшие из земли, словно фрагмент обуглившегося скелета какого-то гигантского доисторического животного. Другие неторопливо копали.

Копали, копали землю.

Уже у входа в метро Яша вдруг решил, что не пойдет на работу. Ни сегодня, ни завтра, никогда.

Он постоял немного.

Две замерзшие девушки иступленно совали в руки прохожим какие-то желтые бумажки. Толстая тетка в зеленом берете бойко торговала сосисками в тесте. А пахло почему-то тухлой рыбой и водорослями, как после морского шторма – хотя рядом с метро никакого моря не было. Может быть, из развороченной осенней земли, из дырявых канализационных труб пришел этот далекий запах...

“Пора мне, – подумал Яша и втянул носом воздух, – к морю куда-нибудь... путешествовать”.

И долгие годы странствовал он по земле. Он жил в разных странах и разных городах, и сотни женщин делили с ним постель. С одними он оставался надолго, и они старились и умирали рядом с ним; с другими же прощался, предоставив им стариться и умирать в одиночестве.

И разные народы давали ему разные имена. Много, очень много имен сменил он. И так долго он странствовал, что уже не мог вспомнить, кем был сначала, а кем – после, и был ли он живым или мертвым, и что так сильно держало его на этой скучной земле.

И так долго он странствовал, что все народы состарились и исчезли с лица земли, и города превратились в песок и камни. Он видел, как землю заселили новые удивительные животные. Сам же он остался среди них единственным человеком.